Ибрагим шёл по берегу, утопая туфлями в мелкой гальке. Море медленно катило валы волн, которые заканчивались на суше всплеском фестонов, обрамлённых пенистым кружевом.

Возле небольшого мыса он остановился и, повернувшись к морю, долго смотрел вдаль. Там, за морским горизонтом, был другой берег, другая страна.

В ушах звучали слова старой песни: «Не нужен мне берег турецкий, чужая земля не нужна!» Ох, как же он был ему нужен, этот турецкий берег, тридцать лет назад!

…Ибрагиму исполнилось десять лет, когда немецкие войска заняли Крым.

Однажды отца вызвали в комендатуру, и он долго не возвращался. Ибрагим думал, что его арестовали, ведь Рефат, старший брат Ибрагима, сражался в рядах Красной Армии против фашистских захватчиков.

Отец вернулся домой в весёлом настроении, он о чём-то долго шептался с матерью. Сына, а тем более младшую дочь Фатьму, родители в свои дела не посвящали.

Вскоре домой вернулся Рефат. В немецкой форме. Ибрагим всё понял. Так же неожиданно, как и появился, Рефат исчез. Ибрагим болезненно переживал такое перевоплощение брата. Родители чувствовали себя виноватыми за то, что не открыли Ибрагиму раньше своё истинное отношение к социализму. Они боялись за возможные осложнения у сына в школе.

Ибрагим был самым советским в семье.

Он хорошо запомнил этот день, когда седовласый мужчина, участник революционных событий, повязал ему и другим ребятам красные галстуки и сказал, что галстук — это частица красного знамени и носить его — большая честь.

Одно лето Ибрагим отдыхал в пионерском лагере «Артек». Там он подружился с ребятами из разных союзных республик. Ему нравилось ходить маршем под звуки горна и бой барабанных палочек, говорить речёвки, петь задорные пионерские песни.

Ибрагиму становилось страшно от мысли, что он мог родиться где-нибудь в трущобах Америки, где кучка капиталистов эксплуатирует многомиллионный рабочий класс.

Когда началась война, он понял, что это капиталистический мир хочет разрушить завоевания социализма. Но Красная Армия остановила победоносное шествие немецкой армии и вскоре сама пошла в наступление.

Вот тут-то Ибрагима обуял смертельный страх. Он понял, что предателям не будет пощады.

И надо же было так случиться, что в тот момент, когда домой забежал Рефат, Ибрагим отлучился со двора. Рефат попрощался с родителями и сестрой и сказал, что будет ждать Ибрагима на берегу, насколько это будет возможно.

Когда Ибрагим прибежал на берег, Рефат уже отплыл на открытом катере к берегам Турции. Ибрагим, рыдая, метался по берегу, глотая слёзы вперемешку с морской водой, брызгами разлетающейся от прибрежных скал. Море неистово грохотало, заглушая мальчишеские рыдания.

Восемнадцатого мая 1944 года по указу Сталина крымских татар депортировали в Среднюю Азию, а военных, которые дезертировали из Красной Армии и примкнули к фашистским захватчикам, отправили в норильские лагеря.

Джизак, где поселили семью Ибрагима, — маленький узбекский городок, который находится на полпути от Ташкента к Самарканду. Близость Самарканда обрадовала Ибрагима, хотя радостью это можно было назвать с большой натяжкой. Там жил его артековский друг Рустам, но писать письмо другу он не спешил. Как они встретятся после таких событий? И что Рустам вообще знает о войне? Здесь только плакаты: «А что ты сделал для фронта?» или «Родина-мать зовёт!» напоминали о ней.

Поселили семью Хаджиевых в заброшенной халупе вместе с двумя такими же семьями. Женщины спали в доме на полу, мужчины — на крыше.

Вставали до света, на попутках или пешком добирались до предгорий, там собирали хворост, который потом мелко рубили и смешивали с глиной. Из этого раствора лепили дома. Надо было успеть построить жильё до холодов.

И всё же Ибрагим написал письмо другу. Друг ответил. Возобновилась прерванная войной переписка. Рустам первым приехал в Джизак, у него здесь было много родственников. Вначале Ибрагим держался скованно, но, поняв, что Рустам

настроен дружески, вздохнул свободно. Пробыв в городе два дня, Рустам отпросил Ибрагима к себе, пообещав самолично привезти его обратно.

Ибрагим думал, что семья Рустама в Самарканде живёт так же, как и узбекские семьи в Джизаке,—в глинобитных архаических постройках за глухими стенами заборов. В этих домах не было мебели, только кроватки-качалки для младенцев. Спали, ели, вышивали на полу, застеленном циновками и коврами.

Во дворах были сооружены суфы—глинобитные возвышения, на которые переселялись в летнее время.

Дом друга в Самарканде стоял на центральной улице и походил на дома, какие Ибрагим привык видеть у себя на родине. Это был одноэтажный каменный особняк, состоящий из пяти комнат, обставленных мебелью.

Одна комната в доме называлась библиотекой. Здесь в три ряда стояли стеллажи, покрашенные белой краской, на них рядами и стопками были расставлены книги.

Двор соединил в себе узбекское и европейское жилище. Под зонтичной кроной шелковицы была сооружена суфа, застеленная коврами с узбекским орнаментом, вокруг благоухала кустарниковая роза.

В глубине двора росли виноградные лозы, поднятые на высокие шпалеры, шатром закрывающие от палящего солнца эту часть двора. Там стояли большой стол и скамьи. Рядом была сложена небольшая печь.

В доме друга жили две семьи эвакуированных, им отдали две отдельные комнаты. В одной поселилась Олеся Васильевна, белокурая учительница из Белоруссии, с двумя маленькими дочками. Вторую заняла Людмила Моисеевна, немолодая прихрамывающая женщина, со своей престарелой матерью. Они прибыли из Ленинграда.

Сами хозяева жили в двух смежных комнатах: в одной родители, в другой дети—Рустам со своим младшим братом Омаром. Старшая сестра Гульназ была замужем и жила в семье мужа.

Отец Рустама был большим начальником. Саид Омарович, высокий узбек с длинным щербинистым лицом, носил рубашку с воротником апаш и широкие парусиновые брюки, на голове неизменно была тюбетейка.

Мама Рустама, круглолицая казашка, заплетала одну косу и укладывала вокруг головы в виде ободка на манер русских женщин. Её платья были сшиты из узбекских тканей с национальным рисунком, но фасоны отличались от традиционных платьев на кокетке, какие носили поголовно все узбекские и казахские женщины.

Роза Садыковна была переводчицей. Перед войной она с группой коллег занялась очень трудной работой—созданием математического языка.

— Разве есть такой язык?—удивился Ибрагим.

— Есть. И очень нужный для Узбекистана.

Из объяснений друга Ибрагим понял, что узбекская наука зашла в тупик из-за невозможности приобщиться к мировым достижениям.

В средние века арабы, завоевав страны Средней Азии, сделали арабский язык государственным и языком науки.

Нация, давшая миру таких великих людей, как астроном и энциклопедист Райхан Беруни, знаменитый математик, философ и поэт Омар Хайям, поэт и мыслитель Алишер Навои, которые жили до арабского закабаления, к началу двадцатого века в массе своей была безграмотна. Число детей, обучавшихся в это время в школах, составляло всего два процента.

Октябрьская социалистическая революция дала народам Узбекистана возможность учиться. В стране стали создаваться советские школы, техникумы, вузы. Но вот преподавать в них математику не было возможности из-за отсутствия учебников на узбекском языке, а большинство студентов не знали русского языка. Необходимо было перевести учебники с русского языка на узбекский, а для этого сначала разработать математические термины.

— А что это такое?

— Понимаешь, надо было подобрать к таким словам, как, например, «окружность» или «пирамида», эквиваленты, ну, то есть заменяющие их слова на узбекском языке, а так как таких понятий не было, приходилось подходить к этой проблеме упрощённо. Так, «радиус» дословно переводился как «спица», а «цилиндр»—«бревно». Ну и много таких казусных терминов было придумано, которые потом пришлось пересматривать. Когда термины были разработаны, необходимо было—что?

— Что?

— Необходимо было создать непосредственно сам математический язык, а это ещё более сложная работа. Одно дело знать термины, другое—с их помощью точно сформулировать то или иное математическое положение.

Рустам был умным мальчиком из интеллигентной семьи, от него Ибрагим узнал много нового и интересного.

Ещё Рустам очень любил свой город. Он показал другу все его достопримечательности. Высокие, сказочно красивые мавзолеи, медресе, мечети создавали впечатление нереальности, мистики. Особенно поразил Ибрагима мавзолей Гур-Эмир. Его ребристый зеленовато-голубой купол восхищал красотой и монументальностью.

В северной части города друзья облазили остатки знаменитой обсерватории, построенной в пятнадцатом веке Улугбеком, правителем Самарканда и выдающимся учёным.

Поднимаясь по лестнице высокого туннеля, Ибрагим чувствовал себя маленькой частицей мироздания и в то же время был поражён могуществом человеческой мысли, создавшей такой объект для изучения Вселенной.

Вечера друзья проводили в библиотеке. Рустам научил Ибрагима играть в шахматы и нарды, показал уникальные старинные книги.

Хорошо было у друга в Самарканде, но надо было возвращаться в Джизак, где его ждала неотложная работа, которая, как туннель Улугбека, звала вперёд и ввысь, в дальнейшую жизнь. Ибрагим прекрасно понимал, что теперь эта высь будет для него значительно занижена.

После войны отца Рустама перевели в Москву, и больше друзья не виделись. Друг писал, что, окончив школу, поступил в институт востоковедения, потом работал за границей. Изредка Ибрагим получал от него поздравления из разных стран.

Сам Ибрагим после окончания школы, вместе с новыми друзьями Кириллом и Саидом, подал документы в автодорожный институт. Студентом стал только Саид, самый слабый из них в учёбе. В Узбекистане в вузы принимали восемьдесят процентов узбеков и только двадцать процентов всех других национальностей.

Кирилл поехал в Новосибирск и там поступил в электротехнический институт на вечернее отделение.

Ибрагим пошёл учиться в техникум.

В Узбекистане любили индийские и турецкие фильмы. Их крутили месяцами.

Ибрагим, сидя в тёмном зале, смотрел на экран и представлял себя в этом сверкающем неоновыми вывесками капиталистическом мире за рулём дорогого автомобиля или за столиком фешенебельного ресторана, на сцене которого крупные женщины изящно и легко исполняли страстный танец живота. Ибрагим завидовал брату.

Рефат благополучно добрался до берегов Турции и, начав с малого, добился успехов в торговле. Женился на турчанке, которая родила ему двух дочерей, имел дом на берегу моря, две автомашины. Очень тосковал по родным. Весточки о себе передавал через работников советского посольства в Турции.

Ибрагим после техникума отслужил два года в армии, вернулся домой и женился на девушке Жене, которую полюбил ещё в детстве, в Крыму.

Впервые его сердце затрепетало, когда он увидел её на школьном дворе в белом фартуке и с новой причёской, которая преобразила её. Раньше волосы, стянутые в тугие косы, казались прямыми, сейчас, коротко остриженные, они свернулись в завитки и крупные волны, сделав её похожей на американских актрис.

В тот год Ибрагим пошёл учиться в шестой класс, Женя — тоже в шестой, только параллельный. С тех пор игры с ребятами не доставляли ему удовольствия, если рядом в кругу подруг он не видел Женю.

Иногда Ибрагим сам вызывал Женю на улицу. Когда она выходила, он запускал руку в её локоны и дёргал, подставлял подножки, корчил рожи. Так он проявлял свою любовь. Время нежных отношений ещё не пришло.

Женя понимала состояние Ибрагима, ей он тоже нравился. Ей нравились и другие мальчики. Но однажды, получив совет от своей старшей сестры: «Замуж надо выходить не за того, кого ты любишь, а за того, кто тебя любит», — решила: только Ибрагим.

Прожив к этому времени больше двадцати лет в браке, они сохранили друг к другу тёплые чувства и оказывали поддержку в трудных жизненных ситуациях.

За тридцать лет, прошедших со дня депортации, Ибрагим ни разу не был на родине. По роду службы — он работал начальником снабжения на механическом заводе — часто бывал в командировках, объездил всю Сибирь, Дальний Восток, Прибалтику, а вот в Крыму — ни разу.

Часто по ночам ему снилось море. Казалось, он лежит на спине, распластавшись на его прохладной глади, и ялтинское солнце не жгуче, а нежно согревает его.

Однажды он проснулся от крика чаек, машинально отодвинул портьеру: на него равнодушно смотрела луна с усыпанного холодными звёздами азиатского неба.

И вот наконец-то он на родине! Сейчас прямиком отправится на автовокзал, купит билет до Бахчисарая и уже сегодня увидится с сестрой и её домочадцами. Фатьма полгода назад переехала в Крым и недавно написала брату, что подыскала для него подходящий домик. Хотя нет, перед тем как отправиться на автовокзал, надо обязательно зайти ещё в одно место.

Ибрагим стал подниматься по узкой крутой тропинке.

Кружил голову аромат пахучих трав.

Тропинка вырвалась на ровное место и весело побежала вдоль обрыва, огибая небольшие взгорья и вековые деревья. За эти годы Ялта очень изменилась, но была узнаваема.

А вот и он, отчий дом! Белый лебедь, утопающий в пышной зелени! Сделанный из крымского ракушечника, дом выглядел таким же, как и тридцать лет назад.

Бешено колотилось сердце, в висках ощутимо пульсировала кровь. Он прислонился к ажурной изгороди.

— Мужчина, вы кого-то ищете?

Со стороны двора подошла полная, начинающая седеть женщина.
— Скажите, здесь Сорокины живут? — Ибрагим назвал первую пришедшую на ум фамилию.
— Нет, здесь таких нет. Хотя постойте, кажется, у прежних хозяев была такая фамилия. Знаете что, проходите во двор, сейчас на обед придёт мой муж, он вам даст их новый адрес.

Женщина отворила калитку. Ибрагим прошёл по асфальтированной дорожке к дому, сел на скамейку возле террасы. В висках застучало ещё сильнее. Он обхватил голову руками.

Хозяйка копошилась на огороде, не забывая поглядывать на незнакомца. Видя, что его состояние не улучшается, подошла к нему, участливо спросила:
— Вам плохо? Может, водички хотите попить?

И тут она услышала неожиданное заявление:
— Я сегодня должен здесь переночевать!

Теперь плохо стало хозяйке. Обмякли руки и ноги, а внутри появился неприятный холодок. Но она быстро восстановила ослабший организм истеричным криком:
— Ещё чего! Я его пустила отдохнуть, мужа дождаться, а он тут уже и спать собрался.

Скрипнула калитка.
— Гриша, иди быстрее сюда, тут один приблудный в нашем доме решил заночевать.

При виде хозяина Ибрагим повторил своё решение.
— Я сегодня должен здесь переночевать! — сказал он и сжал челюсти.

Ибрагим понимал, что отойди он сейчас хоть на одно слово от этой фразы — разрыдается, а вот этого он допустить не мог.

Григорий, краснолицый здоровяк, рванул к Ибрагиму, но жена преградила ему путь.
— Гриша, не надо… Я сейчас приведу участкового, и он во всём разберётся. Только, ради Бога, не трогай его!

Минут через двадцать женщина появилась во дворе в сопровождении милиционера. Страж порядка удивлённо оглянулся на семенящую за ним хозяйку.

В открытую дверь террасы было хорошо видно, как хозяин чокается с незнакомцем бокалом, в котором искрилось домашнее виноградное вино.

Странно устроена человеческая память! Через столько лет разлуки, попав в родительский дом, Ибрагим думал, что воспоминания обступят со всех сторон и ночью будут сниться события далёкого прошлого. Но ночью он спал очень крепко и, проснувшись, с лёгким сердцем примирения покинул отчий дом и поспешил к автостанции.

Не доходя полквартала до автовокзала, Ибрагим услышал удивлённый возглас:
— Ибрагим, ты?!

Перед ним стоял незнакомый мужчина лет сорока, с редкими, тщательно зачёсанными набок волосами. Мужчина улыбнулся.
— Генка-а-а!

Друзья детства обнялись. Подружились русский мальчик Гена и татарин Ибрагим в первом классе, когда учительница посадила их за одну парту. В начале войны Генка вместе с матерью уехал в Сибирь, и до этого момента Ибрагим о нём ничего не знал. Начался беспорядочный, прыгающий с пятого на десятое разговор.

Когда мужчины уже имели представление о прошлой жизни каждого, Ибрагим спросил:
— А где твой брат Иван?

Геннадий помедлил с ответом, лицо его помрачнело. С трудом преодолевая сковавший горло спазм, ответил:
— Погиб Иван… Он воевал в партизанском отряде, каратели жестоко расправились со всеми…

Установилось тяжёлое молчание.

Во время войны бóльшая часть крымских татар перешла на сторону фашистских захватчиков. И лишь небольшая толика татар продолжала геройски сражаться в рядах Красной Армии, прекрасно понимая, что дарованный местным жителям рай вскоре может обернуться жестоким рабством.

В те годы мало кто знал отношение Гитлера к другим народам. Задача Адольфа Гитлера заключалась в том, чтобы использовать труд населения захваченных территорий, а затем это «мясо» просто уничтожить.

Друзья расстались, унося в своих сердцах радость встречи и скорбь о погибших.

Прошлое никогда не остаётся позади, оно всегда рядом с нами. В настоящем.

Вторая встреча произошла через несколько месяцев, тоже в Ялте. Ибрагим понуро шёл к морю, ничего не видя вокруг. Шёл прощаться. Он опять возвращался в Узбекистан. Несмотря на то, что правительство в 1974 году издало указ о снятии ограничения в выборе места жительства для крымских татар, появились проблемы с оформлением покупки дома и с пропиской. В жизни указ пробивался с трудом. В этот момент Ибрагима и остановил школьный друг.
— Ибрагим, как дела? Ты что такой расстроенный?

Ибрагим рассказал о своих проблемах, едва сдерживая слёзы.
— Если бы ты только знал, как я стремился сюда, как не спал ночами, вспоминая родные места, как это больно — быть оторванным от родины, жить на чужбине, когда душа, как раненая птица, не может вырваться из клетки и полететь туда, где ты родился. И вот, казалось, мечта улыбнулась, но опять возникли запреты.

Геннадий положил руку на плечо школьного друга:

— Я тебе помогу.

И помог. Было трудно пробиться через кордоны власти, но друг сделал это. Ибрагим купил дом на законном основании и получил крымскую прописку.

Не просто, ох как непросто было Геннадию решиться на такой шаг. Образ брата стоял перед глазами. Разумом он понимал: надо снять озлобление, ни к чему хорошему это не приведёт, но вот сердце… Мать часто повторяла заповедь Серафима Саровского: «Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи». Отец всегда корректировал миролюбие жены: «Кто старое помянет, тому глаз вон, кто забудет, тому оба». Отец погиб в войну под Наро-Фоминском, защищая Москву. Сын пошёл на компромисс, взяв как образец оба мудрых изречения.

Ибрагим был благодарен Геннадию за помощь. Он тоже всё понимал. И тоже страдал. Потихоньку затягивались раны, устанавливались приятельские отношения. Узнав, что Геннадий задумал строить летний домик, вызвался помочь. За полтора месяца они соорудили во дворе усадьбы крепенький домик, который семья Геннадия сдавала отдыхающим.

Ещё в эвакуации, в Сибири, друг познакомился с девочкой Оксаной, которая приехала из Украины к родной тётке. Мать по дороге в Сибирь умерла, вскоре померла и тётка. Отец погиб в шахте ещё до войны. Оксану определили в детский дом, который находился в пяти километрах от посёлка. Гена несколько раз навещал подругу, приносил гостинцы: хлеб, молоко, картошку.

Когда закончилась война, Гена с матерью вернулись в Крым.

Отметив двадцатилетие, Геннадий отправился в Сибирь, разыскал Оксану и привёз в Ялту. Через месяц, когда девушке исполнилось восемнадцать лет, они расписались. Долго не было детей, а потом родилась Светочка, через семь лет — Андрюшенька. Молодые были счастливы. Мать молилась, чтобы не было войны.

Ибрагим вернулся на родину с двумя детьми — десятилетним Рустамом и трёхлетним Энвером. Летом Ибрагим привозил детей к морю. Евгения с сыновьями почти всё лето жила в старом доме Геннадия, им освобождали одну комнату. Ибрагим оставался в Бахчисарае, он работал водителем автобуса.

Прожив тридцать лет в Узбекистане, Женя научилась готовить узбекские блюда: плов, шаурму, самсу, которые получались у неё не хуже, чем у узбекских хозяек.

Летом они вместе с Оксаной пекли чебуреки — крымско-татарское блюдо — и продавали отдыхающим.

В выходные дни Ибрагим присоединялся к семье. На террасе накрывали стол. Оксана лепила полюбившиеся детям Ибрагима вареники. На любой вкус: с картошкой, с грибами, с творогом, с вишней. Евгения готовила татарское блюдо азу и узбекский плов. Пили сухое вино. Иногда мужчины спорили, но до драк не доходило.

После чаепития пели. У Оксаны оказался красивый сильный голос. Когда она заводила: «Распрягайте, хлопцы, коней», — все умолкали, потом негромко подпевали. Геннадий обязательно запевал свою любимую песню: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня». Видно, крепко запомнились сибирские морозы, а может, хотел лишний раз доставить удовольствие жене. «У меня жена-а-а-а, ох, краса-а-а-авица».

Геннадий немного знал татарский язык, он подпевал гостям, когда они затягивали свои родные песни. Все очень любили и дружно исполняли песни из репертуара узбекского ансамбля «Ялла».

Однажды они услышали, как дети в беседке поют ритмичную, популярную в то время песню: «Я, ты, он, она, вместе — целая страна! В слове „мы“ — сто тысяч „я“!»

Прошло много лет. Распался Советский Союз. Произошло массовое переселение крымских татар в Крым. Страна готовилась к референдуму о статусе Крыма.

Накануне Геннадий позвонил Ибрагиму.

— Как дела, старина? На референдум пойдёшь?

— Конечно, мне внук по Интернету такую трость выписал, я теперь, как молодой, рысью бегаю.

— За что голосовать будешь?

— За присоединение к России, а ты?

— Мы тут с женой долго спорили…

Ибрагим от души расхохотался:

— У вас там, наверное, межнациональные разборки?

— Политическое шоу. Всё же я убедил Оксану: Крым должен принадлежать России!